

© 1997 г.

Б.Я. ОСТРОВСКИЙ

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И ПЕРФЕКТНЫЕ ФОРМЫ

(на материале языка дари)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Под эвиденциальностью (или засвидетельствованностью) понимается такая ситуация, когда, по словам Р.О. Якобсона, "говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица (цитативные, т.е. от кого-то полученные сведения), на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти)" [Якобсон 1972: 101].

Как отмечалось в лингвистической литературе, одним из наиболее типичных способов выражения эвиденциальности является использование так называемых перфектных форм, т.е. финитных форм, тем или иным образом связанных с формой перфекта. Именно так обстоит дело, в частности, в некоторых балкано-славянских, тюркских, финно-угорских и других языках (см., например, [Козинцева 1994: 101]). Та же тенденция прослеживается и в некоторых иранских языках. В частности, в иранистических работах указывалось, что в таджикском языке на базе перфектных форм формируется так называемое аудитивное (неочевидное, заглазное) наклонение (см., например, [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982: 179]).

Можно со всей определенностью утверждать, что выбор перфектных форм для выражения эвиденциальности в разных языках не является случайным совпадением. В то же время, очевидно, что значения перфектности и эвиденциальности лежат в довольно далеких друг от друга семантических плоскостях. Поэтому возникает естественный вопрос: каковы точки соприкосновения между этими значениями?

У значения перфектности принято различать две стороны. По словам Ю.С. Маслова, «в фокусе внимания говорящего находится какой-то один из двух взаимосвязанных в "перфектном единстве" временных планов: либо 1) состояние, рассматриваемое на фоне вызвавшего его действия, либо 2) само это действие..., относящееся к какому-то более раннему моменту в течении событий, но рассматриваемое в аспекте своих прямых или косвенных... последствий, актуальных для дальнейшего. В первом случае мы имеем дело со статальной перфектностью, во втором – с перфектностью акциональной» [Маслов 1987: 196].

Как указывает Н.А. Козинцева, многие исследователи связывают значение эвиденциальности с первой из указанных сторон значения перфектности, т.е. со статальной перфектностью. Эта связь видится им в том, что оба значения имплицитно действуют в прошлом, не данное в непосредственном восприятии. Другие же исследователи находят, что значение эвиденциальности, наоборот, связано со второй из вышеупомянутых сторон значения перфектности, т.е. с акциональной перфектностью (см. [Козинцева 1994: 101]). Что касается иранистов, то большинство их, насколько можно судить по имеющимся описаниям, придерживается первой точки зрения. В частности, как пишут В.А. Ефимов, В.С. Расторгуева и Е.Н. Шарова, "основное значение перфек-

та – результативность – способствует его использованию при указании на действие неочевидное, заглазное, известное с чужих слов или на основе логического вывода (по его следствию, результатам)” [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982: 178].

В данной статье на материале современного языка дари (Афганистан) предлагается более сложное, но зато, как нам представляется, более естественное и убедительное объяснение того, почему для выражения эвиденциальности так часто выбираются именно совершенные формы.

В дальнейшем изложении для обозначения модально-видо-временных форм глаголов дари используются не их традиционные наименования, а специальные символы, состоящие, в свою очередь, из символов маркеров, т.е. дифференциальных признаков глагольных форм¹. Эти формы перечисляются в Табл. 1 в сопровождении примеров. В таблице приведены не все модально-видо-временные формы, имеющиеся в языке дари, а лишь те, которые упоминаются в данной статье (восемь форм из двадцати). Все глаголы дари подразделены здесь на глаголы сильные (*budan* “быть” и *daštan* “иметь”) и слабые (все прочие; в таблице они представлены глаголом *zadan* “бить”). В качестве примеров приводятся положительные (утвердительные) формы действительного залога 3-го лица единственного числа в литературном (а не разговорном) их варианте. Если данная форма от данного глагола или от глаголов данной группы образована быть не может, в соответствующем месте ставится прочерк. Те модально-видо-временные формы, которые принято именовать совершенными, выделены полужирным шрифтом.

Таблица 1

Некоторые модально-видо-временные формы глагола дари

Модально-видо-временные формы		Примеры модально-видо-временных форм		
символы форм	наименования форм	у слабых глаголов	у сильных глаголов	
		<i>zadan</i>	<i>budan</i>	<i>daštan</i>
/m/	настояще-будущее время	<i>mēzanad</i>	<i>mēbašad</i>	<i>medašta bašad</i>
/a/	презент, настоящее время	–	<i>(h)ast</i>	<i>darad</i>
/d/	preterит, простое прошедшее время	<i>zad</i>	<i>bud</i>	<i>dašt</i>
/md/	имперфект, длительное прош. время	<i>mēzad</i>	<i>mēbud</i>	<i>medašt</i>
/ba/	перфект, основная форма перфекта	<i>zada (ast)</i>	<i>bada (ast)</i>	<i>dašta (ast)</i>
/bd/	плюсquamперфект, преждепрош. время	<i>zada bud</i>	–	–
/mba/	длительная форма перфекта	<i>mēzada (ast)</i>	–	–
/bba/	преждепрошедший перфект	<i>zada bada (ast)</i>	–	–

2. ВЫРАЖЕНИЕ НЕЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Прежде чем непосредственно приступить к рассмотрению способов выражения значения эвиденциальности, необходимо вкратце остановиться на способах выражения неэвиденциальных видо-временных значений в финитных формах изъявительного наклонения.

При исчислении значений финитных форм здесь выделяется четыре исходные семантические сущности: излагаемое событие (E^a , от англ. narrated event), ре-

¹ Принципы условного обозначения модально-видо-временных форм глаголов дари рассмотрены в работе [Островский 1995].

чевой акт (E^s , от speech event “событие речи”), действие (E^a , от action event “событие действия”), т.е. либо собственно действие, либо состояние, передаваемое глагольной лексемой, и событие-ориентир (E^r , от reference event), т.е. некая ситуация (возможно, неконкретная), с ориентацией на которую излагается событие E^a ².

Видо-временные значения финитных форм распадаются на значения временные и видовые.

Временное значение финитной формы сводится к темпоральным соотношениям между событиями, т.е. к взаимному их расположению на оси времени. События выстраиваются здесь в такую цепочку: $E^a - E^a - E^r - E^s$. Каждое из этих событий, кроме E^s , либо одновременно событию, расположенному в цепочке справа от него, либо предшествует этому событию, либо следует за ним. Для предпринимаемого здесь исследования достаточно ограничиться лишь первыми двумя значениями: 1) левое событие одновременно правому (символически – $E_1 \parallel E_2$) и 2) левое событие предшествует правому ($E_1 > E_2$). Разные комбинации одновременности и предшествования в трех парах соседствующих событий дает в общей сложности 8 (2^3) рассматриваемых здесь временных значений финитных форм.

Видовое значение финитной формы сводится к характеристике способа развертывания событий во времени. Здесь достаточно ограничиться характеристикой развертывания только одного из выделенных выше четырех событий, а именно – излагаемого события (E^a). Всякое такое событие может быть, во-первых, либо единичным, либо повторяющимся, а во-вторых, либо событием-фактом, либо событием-процессом, либо событием-атрибутом. Однако мы ограничиваемся здесь лишь двумя из вышеперечисленных значений: 1) единичное излагаемое событие-факт ($-E^a$) и 2) единичное излагаемое событие-процесс ($-E^a$).

Таким образом, в данной статье рассматривается 16 (8×2) видо-временных значений. В дальнейшем изложении при обозначении видо-временного значения финитной формы используется заключенная в фигурные скобки формула временного ее значения, а перед символом излагаемого события помещается значок, указывающий на его видовое значение (- или -); например: $\{E^a > -E^a \parallel E^r > E^s\}$ (т.е. сочетание временного значения $E^a > E^a \parallel E^r > E^s$ с видовым значениям $-E^a$). Способы выражения этих значений в финитных формах показаны в Табл. 2 ³.

Как видно из приведенного материала, основная форма перфекта (т.е. форма *lba*), которая в Табл. 2 выделена полужирным шрифтом) передает три незвиденциальных видо-временных значения: во-первых, $\{E^a \parallel -E^a > E^r \parallel E^s\}$ (так называемая акциональная перфектность) (ср. (1)), во-вторых, $\{E^a > -E^a \parallel E^r \parallel E^s\}$ (статальная перфектность) (ср. (2)), и в-третьих, $\{E^a > -E^a > E^r \parallel E^s\}$ (комбинация акциональной и статальной перфектности) (ср. (3)).

(1) *Tā ba hāl čand nafar-e dar dokān nazd-e man morāje'a namuda-and lba/ wa ō ra ba hays-e yak zan-e bewa xāstgār šoda-and lba/* (TQ)⁴ “Уже (букв.: до сих пор) ко мне в лавку обратились несколько человек и повсватались к ней как к вдове”;

(2) *Sag-e man oknun pir šoda-wo lba/ digar ān qowwat-o taqat-e jawāni dar way namānda ast lba/* (AB) “Моя собака теперь состарилась, и в ней больше не осталось свойственной молодости силы и выносливости”;

(3) *Tā konun se sa'at dar nawbat istada-am lba/* “Я уже три часа простоял (т.е. пробыл оставшим) в очереди”.

² Более подробно эти сущности рассмотрены в работе [Островский 1996б].

³ Подробное описание выражения этих значений содержится в работе [Островский 1995].

⁴ Здесь и далее приводимые нами примеры из литературных и научных текстов сопровождаются помещенными в круглые скобки пометами, указывающими на их авторов: 'AB – 'Abdolqāfūr Berešnā, AH – Asadollah Habib, 'AH – 'Abdolhāyū Habibī, A'O – Akram 'Osmān (Kōzagar), BA – Babrak Argand, JN – Jalāl Nurāni, KM – Karīm Misāq, MF – Mir Mohammadseddīq Farhang, MW – Mohammadšāfiq Wejdān, RE – Rahīm Elhām, RZ – Rahmaward Zaryāb, ŠJ – Šar'i Jawzjāni, TQ – Törpekey Qayum, XX – Xalīlollah Xalīlī.

**Выражение некоторых неэвиденциальных видо-временных значений
в финитных формах глаголов дари**

Видо-временные значения	Модально-видо-временные формы		Видо-временные значения	Модально-видо-временные формы	
	у слабых глаголов	у сильных глаголов		у слабых глаголов	у сильных глаголов
{E ^a -E ⁿ E ^r E ^s }	/m/	/a/ *	{E ^a > -E ⁿ E ^r E ^s }	/m/	-
{E ^a -E ⁿ E ^r > E ^s }	/m/	/a/ *	{E ^a > -E ⁿ E ^r E ^s }	/ba/	-
{E ^a -E ⁿ E ^r > E ^s }	/d/	/d/	{E ^a > -E ⁿ E ^r > E ^s }	/d/	-
{E ^a -E ⁿ E ^r > E ^s }	/md/	/d/	{E ^a > -E ⁿ E ^r > E ^s }	/bd/	-
{E ^a -E ⁿ > E ^r E ^s }	/ba/	/ba/	{E ^a > -E ⁿ > E ^r E ^s }	/ba/	-
{E ^a -E ⁿ > E ^r E ^s }	/md/	/d/	{E ^a > -E ⁿ > E ^r E ^s }	/bd/	-
{E ^a -E ⁿ > E ^r > E ^s }	/bd/	/d/	{E ^a > -E ⁿ > E ^r > E ^s }	/bd/	-
{E ^a -E ⁿ > E ^r > E ^s }	/md/	/d/	{E ^a > -E ⁿ > E ^r > E ^s }	/bd/	-

* У глагола *budam* "быть" данное значение может также передаваться формой /m/.

Для дальнейшего изложения особый интерес представляет событие-ориентир (E^r). Существенно, что оно жестко не определяется содержанием излагаемого события (Eⁿ), и говорящий (пишущий), излагая некое событие, волен выбирать ориентир для него по собственному усмотрению. Так, в примерах (4a–c) излагается одно и то же прошлое событие, но с разной ориентацией: в (4a) оно ориентировано на событие, одновременное излагаемому ({E^a || -Eⁿ || E^r > E^s}), в (4b) – на событие, одновременное моменту передачи излагаемого события ({E^a || -Eⁿ > E^r || E^s}), а в (4c) – на событие, следующее за излагаемым, но предшествующее моменту изложения ({E^a || -Eⁿ > E^r > E^s}).

(4a) *Man (an rōz) do xait naweštam /d/* "Я (в тот день) написал два письма";

(4b) *Man (ta konun) do xait nawešta-am /ba/* "Я (уже; букв.: до настоящего момента) написал два письма";

(4c) *Man (ta an zaman) do xait nawešta budam /bd/* "Я (к тому времени) написал два письма".

3. ОПИСАНИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РАБОТАХ ПО ЯЗЫКУ ДАРИ

Предлагая общую формулу эвиденциальности, Н.А. Козинцева пишет: «Семантика высказываний, передающих указание на источник информации говорящего, может быть представлена как содержащая рамочную (EV) и пропозитивную части (P):

Г сообщает, что [X видел/полагает/узнал, что] P,

где Г – говорящий, X – субъект модуса EV ("хозяин" информации). Информация может быть получена посредством: 1) чувственного восприятия, 2) логического умозаключения, 3) сообщения» [Козинцева 1994: 93].

Эта ситуация на материале языка дари частично описана в работе [Миколайчик 1975]. Правда, сам В.И. Миколайчик в своем описании не пользуется такими терминами, как "эвиденциальность" или "засвидетельствованность", а говорит об употреблении финитных форм "в придаточных предложениях дополнительных и определительных к дополнению при глаголе-сказуемом главного предложения, которое выражено глаголом идеальной деятельности в одной из форм прошедшего времени" [Там же: 177]. Под глаголами идеальной деятельности В.И. Миколайчик, вслед за Ю.С. Масло-

вым (см. [Маслов 1956: 245–246]), понимает: 1) глаголы речи типа *goftan* “сказать”, 2) глаголы мысли типа *dānestan* “знать”, *daryāftan* “понять” и 3) глаголы восприятия типа *didan* “видеть”, *sonidan* “слышать” (см. [Миколайчик 1975: 177]). В дальнейшем изложении мы именуем эти глаголы также модусными (см., например, [Козинцева 1994]).

По данным В.И. Миколайчика, в придаточных предложениях дари при глаголах идеальной деятельности наблюдается явление, которое принято называть относительным употреблением временных форм (В.И. Миколайчик этим термином также не пользуется). Указанное явление сводится к тому, что “событие ориентировано по отношению ко времени действия главного предложения” [Маслов 1990: 89]. В частности, как указывает В.И. Миколайчик, при глаголе идеальной деятельности, употребленном в форме претерита или имперфекта (т.е. /d/ или /md/), одновременное ему событие придаточного предложения передается формой презенса (т.е. /m/ или /a/ вместо ожидаемых /d/ и /md/), а предшествующее ему событие – формой перфекта (т.е. /ba/ вместо ожидаемой /bd/) (ср.⁵ (5), (6)). Кроме того, при глаголах речи часто употребляется прямая речь, т.е. цитирование чужой (или своей) речи вместо ее пересказа (ср. (7)). Далее, при глаголах восприятия и, реже, при глаголах мысли наряду с относительным встречается и абсолютное употребление временных форм (ср. (8)).

(5) *Mēdiđ ke gāwħa-yaš goresna and /a/* “Он видел, что его коровы (суть) голодны”;

(6) *Šerali sawgand mēxōrd ke heč kār-e bad-e nakarda ast /ba/* “Шерали клялся, что не сделал (до настоящего времени) ничего плохого”;

(7) *Bārħā mēgoft ke man ham yak-ē az jomla-ye ešān mēbašam /m/* «Он часто говорит: “Я тоже (есмь) один из них”»;

(8) *Ba in afkār bala-ye bestar-e ō rasidam, didam āram xofta bud /bd/* “С этими мыслями я подошел к его постели и увидел, что он безмятежно спит (букв.: был уснувшим)”.

Описание В.И. Миколайчика весьма достоверно и надежно, однако оно нуждается, на наш взгляд, в одном уточнении: это уточнение касается квалификации придаточных предложений, в составе которых наблюдаются рассматриваемые явления.

Тот факт, что относительное употребление временных форм (в некоторых случаях – наряду с абсолютным) наблюдается в придаточных дополнительных предложениях, разумеется, не подлежит сомнению (ср. (5), (6), (8)). Однако в отдельных случаях В.И. Миколайчик за придаточное дополнительное принимает придаточное подлежащее (ср. (9) и (10) – соответственно, с относительным и абсолютным употреблением временных форм).

(9) *Intawr ba nazar-am mēamad ke mexahad /m/ do'a-ye beħanad* “Мне казалось, что он хочет прочесть молитву”;

(10) *Ma'lum nabud ke nur az kojā mēamad /md/* “Было непонятно, откуда проникал этот свет”.

Что же касается “придаточных определительных к дополнению”, то здесь ситуация не столь очевидна, как кажется на первый взгляд. Например, в (11) и (12) (соответственно, с относительным и абсолютным употреблением временных форм) В.И. Миколайчик, по-видимому, усматривает наличие придаточного определительного. Однако можно предположить, что в приведенных примерах налицо не придаточные определительные, а трансформированные (как бы “замаскированные” под определительные) придаточное подлежащее (в (11)) и придаточное дополнительное (в (12)). Иными словами, (11) допустимо считать восходящим к (11а), а (12) – к (12а). К такому выводу побуждает обилие в языке дари случаев, где наличие подобных же трансформаций не вызывает сомнений (ср. (13) и (14), восходящие, соответственно, к (13а) и (14а)).

(11) *Padar-aš ba yād-aš āmad ke bēnār dar xāna xābida ast /ba/ wa pul-e dawā-ye ō wojud nadārad /a/* “Он вспомнил своего отца, который лежал (букв.: лежит) дома больной и на лекарство которому не было денег (букв.: деньги не существуют)”;

⁵ Примеры (5)–(12) воспроизводятся по работе [Миколайчик 1975].

(11a) *Ba yad-aš amad ke padar-aš bēmar dar xāna xabida ast wa pul-e dāwa-ye o wujud nadārad* “Он вспомнил, что его отец лежит дома больной и на лекарство для него нет денег”;

(12) *Ba'd gawhā-yaš rā did ke az rōdbār-e kočak gozašta budand /bd/ wa rō-ye čaman mečaridand /md/* “Затем он увидел своих коров, которые перешли (букв.: были перешедшими) речку и паслись на лугу”;

(12a) *Ba'd did ke gawhā-yaš az rōdbār-e kočak gozašta budand wa rō-ye čaman mečaridand* “Затем он увидел, что его коровы перешли речку и паслись на лугу”;

(13) *Rādyo rā našonidam ke či goft* “Я не слышал, что сказали по радио” (букв.: “Я не слышал радио, что (оно) сказало”);

(13a) *Našonidam ke radyo či goft* “Я не слышал, что сказали по радио (букв.: что сказало радио)”;

(14) разг. *Az teflak-e xod metarsom ke zada naša (BA)* “Боюсь, как бы мой ребенок не был побит” (букв.: “Я боюсь своего ребенка, чтобы он не был побит”);

(14a) разг. *Metarsom ke teflak-em zada naša* “Боюсь, как бы мой ребенок не был побит”.

Если это наше рассуждение верно, то для собственно определительных придаточных предложений к дополнению (равно как и к подлежащему), даже если эти придаточные вводятся глаголами идеальной деятельности, относительное употребление временных форм, по-видимому, не характерно. Например, в (15) замена формы /bd/ на /ba/ невозможна; подобным же образом, в (16) невозможна и замена форм /md/ и /d/ на какие-либо другие формы.

(15) *Zanha... xabha-ye rā ke čand rōz peš dida budand /bd/ yak-e ba digar qessa mekarand (AH)* “Женщины... рассказывали друг другу сны, которые видели несколько дней назад”;

(16) *Padar-o pesar dānestand ānče rā namefahmidand /md/, didand-ānče dar warā-ye par-da-ye pendār-ešān mastur bud /d/ (XX)* “Отец и сын узнали то, чего не понимали, и увидели то, что было скрыто пеленой от их сознания”.

Таким образом, относительное употребление временных форм (иногда – наряду с абсолютным) наблюдается в придаточных дополнительных и подлежащих, вводимых глаголами идеальной деятельности.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что описанные В.И. Миколайчиком замены видо-временных форм (/d/ или /md/ – на /m/ или /a/, а /bd/ – на /ba/) обнаруживаются не только в составе придаточных предложений. В одних случаях формально независимое предложение с “заменёнными” формами следует за придаточным, вводимым глаголом идеальной деятельности (причем в придаточном аналогичные замены также налицо) (ср. (17), (18)); в других же случаях модусный глагол (со своими аргументами) отсутствует даже в предшествующем контексте (ср. (19), (20)).

(17) *Ro'yahā ba sorāg-aš meāmadand, xod-aš rā šer-e meyāft tanumand-o yaldār ke rešta-ye dar gardan dārad wa sar-e rešta dar dast-e bibi ast. Ō mast-o haybatnak meğorrad-o /m/ mekošad /m/ tā rešta rā para konad-o azād sawad... (A'O)* “Его посещали сновидения, он видел себя в облике могучего гривастого льва с поводком (букв.: который имеет поводок) на шее, а конец поводка (есть) в руке хозяйки. Он возбужденно и устрашающе рычит и пытается разорвать поводок и освободиться...”;

(18) *Dar šafaxāna fahmidam ke rafiq Sarwar tā markaz-e welāyat zenda narasida ast. Dar rah jan dada-wo /ba/ dar axerin nafasha axerin arzu-yaš rā ba-saxti bar zabān āwarda /ba/. Ō xahēš karda /ba/ ke jasad-aš rā dar kenar-e hamin maktab ba xak besparand (AH)* “В госпитале я узнал, что товарищ Сарвар не добрался живым до провинциального центра. По дороге он умер и, будучи при последнем издыхании, с трудом произнес свое последнее желание. Он попросил, чтобы его похоронили возле той самой школы”;

(19) *Asadxān-e koči dar ān rōz ba'd az adā-ye namāz-o nošidan-e čay bā do xarita panēr ba taraf-e šahr rawana šod. Dokāndāran čun o rā az dur mebinand /m/ awwal tajāhol mekonand /m/ wa aslan ba taraf-e o-wo xaritaha-ye panēr-aš namebinand /m/ wa xod rā ba ežhā-ye digar*

mašgūl mēšāzand /m/ (‘AB) “Кочевник Асад-хан в тот день, совершив намаз и попив чаю, с двумя мешочками творога отправился в город. Когда лавочники его увидели (букв.: *видят*), сначала сделали вид, что ничего не заметили (букв.: *притворяются* неведущими), и даже не взглянули (букв.: *не смотрят*) на него и его мешочки с творогом, а занялись (букв.: *занимаются*) другими делами”;

(20) *Dar ān rōzgār dar Jorjān... solāla-ye Zeyārihā... hokmrāwayi dāštand. Šamsolma‘āli-ye Qābus... yak-e az nomāyendagān-e in solāla dānešmand-e jawān rā dar sāya-ye hemāyat-e xēš qarār mēdehad /m/* (ŠJ) “В те времена в Гургане... правила династия Зиаридов... Шамс-уль-Маали Кабус..., один из представителей этой династии, взял (букв.: *помещает*) молодого ученого под свое покровительство”.

В случаях подобного рода (особенно – иллюстрируемых примерами (17), (19), (20)) принято говорить о переносном употреблении временных форм: оно имеет место в таких ситуациях, когда, по словам Ю.С. Маслова, «говорящий мысленно переносится в другой временной план, как бы заново “проигрывая” прошлые события...» [Маслов 1990: 89]. Как считают, в частности, В.С. Расторгуева и А.А. Керимова, это явление наблюдается “в образном, описательном повествовании, когда событие, совершавшееся в прошлом, для выразительности, красочности переносится в аспект настоящего времени” [Расторгуева, Керимова 1964: 68].

Есть, однако, обстоятельство, которое ставит под сомнение трактовку рассматриваемых случаев в качестве простого результата стремления говорящего (пишущего) к оживлению повествования. Дело в том, что переносное употребление временных форм может ограничиваться главной частью предложения и не охватывать зависимой его части (например, придаточного определительного), где формы /d/, /md/ и /bd/ сохраняются (ср. (21)–(23)). Это явление с позиций теории “оживления повествования” едва ли объяснимо. Следует, впрочем, оговориться, что не менее часто рассматриваемые замены временных форм наблюдаются в аналогичной ситуации даже в зависимых частях предложений (ср. (24), (25)).

(21) *Jamāli... ba čādar-e seyāh-e ke dāst /d/ xod rā pečānida wa ba nazdik-e atāš mēxāhad* (‘AB) “Джамали... закутывается в свой черный платок (букв.: в черный платок, который *имела*) и ложится поближе к костру”;

(22) *Benā bar ān zabān-aš rā ke čun parra-ye āsyāb mēčarxid /md/ ba kār mēandāzad* (A’O) “Поэтому он пускает в ход свой язык, который *вращается* (букв.: *вращался*), как лопасти мельницы”;

(23) *Dānešmand-e jawān ke hanōz az bistodosalagi pa farātār nagozāšta bud /bd/... zād-gah-e xēš rā tark megojad* (ŠJ) “Молодой 22-летний ученый (букв.: который *не поставил* (к тому времени) ногу за пределы 22-летия)... покидает свою родину”;

(24) *Pešin-e rōz sa‘at-e do-wo nim... karāčikašha ke postinhā-ye Lālā rā bār karda-and /ba/ ‘aragrezān pešāpēš ba sō-ye gomrok rāh mēofstand* (A’O) “Днем, в половине третьего... носильщики, которые (к настоящему моменту) *погрузили* (на свои тележки) дубленки Дядюшки, обливаясь потом, пускаются в путь по направлению к таможене”;

(25) *Beruni... az nazar-e jahānbini bar asāsāt-e ke dar hamān ‘asr tasallot dārad /a/ motta-ki-si* (ŠJ) “Бируни... в своем мировоззрении опирается на те взгляды, которые *господствуют* в тот период”.

Относительное и переносное употребление временных форм (в тех ситуациях, которые рассмотрены выше) обычно не принято связывать со способами выражения эвиденциальности. Однако, как нам представляется, семантическая связь между этими явлениями – самая непосредственная: во всех этих случаях налицо факт засвидетельствованности излагаемого события, т.е. либо сообщение об этом событии, либо его постижение, либо его восприятие. Факт засвидетельствованности чаще всего передается модусным глаголом (ср. (5), (6), (8)–(12)), а если таковой отсутствует, то либо восстанавливается из предыдущего контекста (ср. (17), (18)), либо просто подразумевается; в этом последнем случае говорящий (пишущий), не указывая на это прямо, ставит или самого себя, или слушающего (читающего), или одного из героев своего повествова-

ния в позицию наблюдателя излагаемых событий, либо получателя информации об этих событиях, либо “осмыслителя” полученной информации (ср. (19)–(25)).

Что касается употребления перфектных форм для выражения эвиденциальности, то здесь мнения расходятся.

В частности, Л.Н. Дорощеева утверждает, что “так называемое прошедше-настоящее (перфект) – *zada-am* и его длительная форма *mézada-am* (т.е. формы /ba/ и /mba/. – Б.О.) ... не встречаются в том особом применении, которое характерно для них в таджикском языке (неочевидные формы)” [Дорощеева 1960: 50].

С другой стороны, В.А. Ефимов, В.С. Расторгуева и Е.Н. Шарова полагают, что в современном дари видны “зачатки” значения неочевидности (см. [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982: 179]). Они пишут, что форма перфекта (т.е. форма /ba/) в этой функции “иногда встречается в разговорной речи” (ср. приводимый ими пример (26)) [Там же: 178]. И далее: “Значение неочевидности, заглазости (прошедшего действия) несколько сильнее проявляется в совр. ... дари у длительной формы перфекта (т.е. у формы /mba/. – Б.О.). Она используется, в частности, когда речь идет о событиях очень давних, свидетелем которых говорящий просто не мог быть” (ср. приводимый ими пример (27)) [Там же].

(26) разг. *Xabar šodom asp-e xod-a ba kas baxšida fba/* “Я слышал, что он подарил кому-то свою лошадь”;

(27) *Arastu... dar hodud-e šesad-o haštad-o šahār – šesad-o bist-o šahār-e qabl az milad mezista ast fmba/* “Аристотель... жил с 384 по 324 год до нашей эры”.

Вышеприведенное утверждение Л.Н. Дорощеевой опровергается в работе [Островский 1996а], где на обширном языковом материале показано употребление форм /ba/ и /mba/ в эвиденциальном значении (ср. (18), (28), (29)). Там же внесен ряд уточнений и в утверждения В.А. Ефимова, В.С. Расторгуевой и Е.Н. Шаровой: во-первых, форма /ba/ используется в эвиденциальном значении не только в разговорном, но и в литературном стиле (ср. (18), (28), (30)); во-вторых, в эвиденциальном значении как в разговорном, так и в литературном стиле используется форма /mba/ (ср. (28), (29), (31)); в-третьих, при повествовании о давних событиях используется не только форма /mba/, но и /ba/ (ср. (29), (32)); в-четвертых, форма /mba/ способна употребляться для описания событий, пусть давних, но происходивших на глазах говорящего (пишущего) (ср. (33)). В этой же работе отмечается, что значение эвиденциальности в языке дари может выражаться, наряду с формами /ba/ и /mba/, также редкой формой /bba/ (ср. (34), (35)).

(28) *Šawhar-e Parigol jeryān ra ba man qessa kard. Mawzō' az in qarār bud ke farda-ye ān šab Parigol ba taqlid-e man rafta-wo fba/ ba dokāndār-e koča-ye xod gofta ast fba/*: “разг. *Byādarjān, do pāw naxōt betē amā čonān naxōt-e saxt ke az xōrdan nabaša*”. *Wa ba'd ke naxōd rā baraye šam mēxāsta fmba/ bepazad qat'an narm našoda fba/*. *Šawhar-aš waqi-e ke gofta fba/ tā ba dokāndār jang konad way dar jawāb-aš gofta ast fba/*: “разг. *Kakajān, ma či gonā darom?*” (JN) «Муж Париголь рассказал мне, что случилось. Дело было в том, что (по его словам) назавтра после того вечера Париголь по моему примеру пошла и сказала местному лавочнику: “Братец, дай мне два фунта гороха, но такого твердого, чтобы он был несъедобен”. А затем, когда она хотела сварить этот горох на ужин, горох совсем не разварился. Когда ее муж пошел ругаться с лавочником, тот в ответ сказал: “Дяденька, чем я виноват?”»;

(29) разг. *Darwāzē Lawri koja-ra megofian?... – Uja-ra. Qadim darwāzē buda fba/ yak-e az darwāzā-ye bozorg-e šār ke az uja mōīarā taraf-e Endustān, Lawor mērafta fmba/* (АН) “Какое место называли Лахорскими воротами?... – Вон то. Это были (как я слышал) древние ворота, одни из самых больших городских ворот, и машины ездили через них в Индию, в Лахор”.

(30) *Nabi az qawl-e māmā-yaš qessa kard ke mādar-aš sar-e zā morda ast fba/ wa padar-aš ke 'ašeq-e mādar-aš buda fba/ pas az māh-e deqqmarg šoda ast fba/* (A'O) “Наби рассказал со слов своего дяди, что его мать умерла от родов, а его отец, который был влюблен в его мать, через месяц умер от тоски”;

(31) *Besyāri-ye mardom edde'a dārand ke basa šabha an mār-e seyah rā dida-and ke čašman-e ō čun laki dar tiragi-ye šab mēdaraxšida ast /mba/ (MW)* “Многие утверждают, что ночами часто видели эту черную змею, глаза которой в ночной темноте испускали темно-красное сияние (букв.: светились, как темно-красные)”;

(32) *Āncē az mağz-e bozorg-o motafakker-e ō tarāwida /ba/ gāleban pasoxgo-ye neyāz-mandiha-ye buda ast /ba/ ke dānešmandān-e 'asr ba raf'-e an saxt zarurat dāšta-and /ba/ (ŠJ)* “Плоды его размышлений (букв.: то, что просочилось из его великого вдумчивого мозга) зачастую отвечали тем потребностям, в удовлетворении которых остро нуждались ученые того времени”;

(33) *Nawisenda-ye in sotur xub ba yād dāram hangām-ē ke hamin šomāra-ye Serāj-ol-Axbar ba Qandahār rasid an rā... bā marāq-o delčaspi-ye farāwān mēxānda-and /mba/ wa gah-e bā xānda-e an ašk ham mērexta-and /mba/ (‘AH)* “Автор этих строк хорошо помнит, что, когда этот номер (газеты) ‘Сирадж-уль-Ахбар’ попал в Кандагар, его... читали с огромным интересом, а иногда во время чтения проливали слезы”;

(34) *Az goftaha-yaš haminqadr fahmida mēšod ke dirōz mo'allem barāye sabaq dadan-e pesar-e xān narāfta buda ast /bba/ (AH)* “Из его слов можно было лишь понять, что вчера учитель (якобы) не пришел заниматься с сыном хана”;

(35) *Qarn-e čahārom, hazār sal pēš... Dar an zamān ensān-ē nešasta buda /bba/ wa in ketāb rā nawēšta /ba/... Ma'lum nēst āyā mēdānesta /mba/ ke hazār sal ba'd kas-ē digar-ē bēdār-xabi mēkašād-o rō-ye in ketāb kār mēkonad (RZ)* “Четвертый век (по мусульманскому солнечному календарю. – Б.О.), тысячу лет назад... В то время сидел какой-то человек и (на)писал эту книгу... Неизвестно, знал ли он, что через тысячу лет другой человек будет не спать ночами и изучать эту книгу”.

4. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Весьма часто при наличии ситуации эвиденциальности в идентичных, казалось бы, случаях могут употребляться разные модально-видо-временные формы глаголов (ср. (36)–(38)).

(36) *Mā motawajjeh šodem ke ō andak-e perayšan ast /a/ (или bud /d/)* “Мы заметили, что она (есть или была) немного взволнована”;

(37) разг. *Mālum mēša ke u dorōg gofta /ba/ (или goft /d/)* Оказывается, он солгал”;

(38) *Mottaham edde'a dārad ke dar an mawqe' dar otaq-e xod nešasta bud /bd/ (или nešasta buda ast /bba/) wa talwizyun tamaša mēkard /md/ (или mekarda ast /mba/)* “Обвиняемый утверждает, что в тот момент он (якобы) сидел в своей комнате и смотрел телевизор”.

В дальнейшем при обозначении эвиденциальных видо-временных значений (в отличие от неэвиденциальных) перед фигурными скобками помещается графема «е» (от англ. evidential). Так, в (36) видо-временное значение выделенных форм получает такое символическое обозначение: $e\{E^a \parallel -E^n \parallel E^r > E^s\}$, в (37) – $e\{E^a \parallel -E^n > E^r \parallel E^s\}$, а в (38) – соответственно, $e\{E^a > -E^n > E^r \parallel E^s\}$ и $e\{E^a \parallel -E^n > E^r \parallel E^s\}$.

Как нам представляется, в языке дари следует различать три способа выражения эвиденциальности: нулевой, темпоральный и модальный.

Нулевой способ выражения эвиденциальности, т.е. фактически невыраженность эвиденциальности, сводится к тому, что факт засвидетельствованности как событие при выборе финитной формы игнорируется, а излагаемое событие во временном отношении может быть ориентировано на какое-нибудь другое событие (ср. (39), где выражено значение $e\{E^a \parallel -E^n > E^r > E^s\}$). При нулевом способе эвиденциальное видо-временное значение получает точно такое же внешнее выражение, что и соответствующее неэвиденциальное значение (см. Табл. 2).

(39) *Man xabar dāram ke way qablan zamina ra mosā'ed saxta bud /bd/* “Я знаю, что он заранее подготовил почву”.

Впрочем, во многих случаях событие-ориентир совпадает по времени с фактом засвидетельствованности или даже само представляет собой факт засвидетельствован-

ности, но даже в этих случаях оно трактуется точно так же, как событие-ориентир, не связанное с эвиденциальностью. В частности, значение $e\{E^a \parallel -E^n > E^r > E^s\}$ передается так же, как и $\{E^a \parallel -E^n > E^r > E^s\}$ (ср. (40), (41); ср. также (42)). В предшествующем изложении (см. п. 3) подобная ситуация именовалась абсолютным употреблением временных форм.

(40) *Ba yad-aš amad ke dar yak-e az in kotalha... do róz rá dar yak gár-e tang-o tarik ba sar borda bud /bd/* (KM) “Он вспомнил, как на одном из этих перевалов... *провел* два дня в тесной и темной пещере”;

(41) разг. *Yag róz bay xabar šod ke... Alimamad ke zan-eš mariz bud asp-e báy-a foróxta bud /bd/* (BA) “Однажды бай узнал, что... Али Мухаммад, у которого была больна жена, *продал* коня бая”;

(42) *Yahya ó rá sadd zada-wo kayfeyyat-e basia šodan-e darwáza rá az ó sawál kard. Zahrá čiz-e namedánest /md/ - e{E^a || -Eⁿ || E^r > E^s}. Dar bagča-ye Hájí ba digar doxtarán mašgúl-e tamaša bud /d/ - e{E^a || -Eⁿ > E^r > E^s} ke yak bār nókarhá-ye Hájí ba čób bār anha hojum áwarda budand /bd/ - e{E^a || -Eⁿ > E^r > E^s}... Zahrá farár namuda xod-aš rá ba injá rasánda bud /bd/ - e{E^a || -Eⁿ > E^r > E^s} (MF) “Яхья окликнул ее и спросил, как оказалась закрыта дверь (в сад). Захра (по ее словам) ничего *не знала*. Она вместе с другими девочками в саду Хаджи *наблюдала* за происходящим, как вдруг слуги Хаджи *набросились* на них с палками... Захра, убежав (из сада), *пришла* сюда”.*

Темпоральный способ выражения эвиденциальности сводится к тому, что факт засвидетельствованности непременно является событием-ориентиром и при выборе финитной формы трактуется иначе, нежели событие-ориентир, не связанное с засвидетельствованностью. Это проявляется в том, что событие-ориентир и речевой акт, как бы они в действительности ни располагались по отношению друг к другу на оси времени, трактуются как одновременные, т.е. переосмысливается их темпоральное соотношение (отсюда и принятое здесь наименование этого способа).

При темпоральном способе предшествование факта засвидетельствованности сообщению о нем (равно как, впрочем, и следование первого за вторым) получает точно такое же внешнее выражение, как и их одновременность. В частности, значение $e\{E^a \parallel -E^n \parallel E^r > E^s\}$ в этом случае передается так же, как $\{E^a \parallel -E^n \parallel E^r \parallel E^s\}$ (ср. (20), (43)), а значение $e\{E^a > -E^n \parallel E^r > E^s\}$ – как $\{E^a > -E^n \parallel E^r \parallel E^s\}$ (ср. (11), (44)).

(43) *Digar nafahmidam ke mādár-am čí mēgoyad /m/* (TQ) “Я не понял, что еще сказала (букв.: *говорю*) моя мать”;

(44) *Róz-e pádsáh dar áyina mēnegarist, did móhá-yaš hama safed šoda ast /ba/* (MW) “Однажды король смотрелся в зеркало и увидел, что его волосы *стали* совершенно седыми”.

Приведенные примеры иллюстрируют то явление, которое ранее (см. п. 3) именовалось относительным употреблением временных форм. Что же касается переносного их употребления, то здесь налицо неконкретное событие-ориентир, одновременное излагаемому событию, но не раскрываемое по существу (ср. (45), где налицо значение $e\{E^a \parallel -E^n \parallel E^r > E^s\}$; ср. также (19), (20), (24), (25)).

(45) *Hamán mēbašad /m/ ke fardá-ye án róz awwal-e waqt az xána mebarayad /m/ wa... sawár-e sarwis mešawad /m/ wa Saray-e Šahzáda merawad /m/* (A'O) “Поэтому (букв.: *ест* то, что) на следующий день рано утром он вышел (букв.: *выходит*) из дома,... сел (букв.: *садится*) в автобус и поехал (букв.: *едет*) в Сарáйе Шахзадá”.

Модальный способ выражения эвиденциальности сводится к тому, что, хотя факт засвидетельствованности (совпадающий либо не совпадающий с событием-ориентиром) при выборе финитной формы учитывается, но передается не через темпоральные соотношения событий, а при помощи специального наклонения (отсюда и принятое здесь название этого способа), которое можно назвать эвиденциальным, или аудитивным, или неочевидным, или пересказывательным, или заглазным и т.п. (см. п. 1). Наличие факта засвидетельствованности внешне проявляется в том, что форме /d/ нулевого способа при модальном способе соответствует форма /ba/ (ср. (29), (46)),

(47)), форме /md/ – /mba/ (ср. (27), (28), (29), (31), (33), (35), (46), а форме /bd/ – /bba/ (ср. (34), (35), (47))⁶.

(46) *"Man an rōz-e ke dar maktab sabaq ra yād mekardam | Alef megoflam-o sarw-e qadd-at ra yād mekardam..." Ša'er meğoyad alef ra yād mekardam. Pas ma'tum mešawad ke ša'er dar senf-e awwal buda fba/.* *Wa ba'd ezafa mekonad ke sarw-e qadd-at ra yād mekardam. Hala rawšan šod! Ša'er darsxān nabuda fba/.* *Tanha alef meğofla fmba/ wa anče ra yād mekarda ast fmba/ sarw-e qadd-e yar buda fba/,* *na dars-e mo'allem... Ō ke alef meğofla fmba/ wa sarw-e qadd-e yar ra yād mekarda fmba/,* *Xoda medānad az goftan-e be-wo te-wo jim-o dal ei ċizha-ye ra yād mekarda ast fmba/ (JN)* «В тот день, когда я учился в школе, | Я произносил 'алеф', а запоминал твой стройный стан (букв.: кипарис твоего стана)»... Поэт говорит: "Я изучал 'алеф'". Из этого следует, что поэт был первоклассником. Потом он добавляет: "Я запоминал твой стройный стан". Теперь все ясно! Поэт не был прилежным учеником. Он лишь произносил 'алеф', а то, что при этом запоминал, был стройный стан возлюбленной, а не уроки учителя... Если он произносил 'алеф', а запоминал стройный стан возлюбленной, то одному лишь Богу ведомо, что он запоминал, произносил 'бэ', 'тэ', 'джим' и 'даль'»⁷;

(47) *Az anče goftem sābet mešawad ke zabanšenāsi dar Āryānā sābeqa-ye tulāni dašta fba/ wa dar 'asr-e Pānini ba marhala-ye takamol rasida buda ast fbbal (RE)* "Из сказанного нами следует, что языкознание в Ариане имело долгую историю и во времена Панини достигло совершенства".

Все три способа выражения эвиденциальности представлены в Табл. 3.

В некоторых случаях невозможно определить, каким именно способом выражена эвиденциальность. Например, с равным успехом допустимо считать, что в (48) эвиденциальность выражена нулевым или темпоральным способом, в (6), (18), (26), (49) – темпоральным или модальным, а в (50) – любым из трех способов.

(48) *Xabar daštam ke an mard qablan dagarwal bud fdl* "Я знал, что тот человек раньше был полковником";

(49) *Čand mah ba'd xabar amad ke Mohsenxān doxtar-aš rā ba-zōr nāmzād karda-wo fba/ Tahera zahr xōrda fba/ amma namōrda ast fba/ (AH)* "Через несколько месяцев пришло известие, что Мохсен-хан насильно просватал свою дочь, и Тахира приняла яд, но не умерла";

(50) *Az deh kas-e āmada, meğoyad ke madar-am bēmār ast fbl (RZ)* "Из деревни приехал один человек, он говорит, что моя мать (есть) больна".

Чаще всего при последовательном повествовании засвидетельствованность событий, стоящих как бы в одном ряду, выражается одним и тем же способом; например, в (42) – нулевым способом, в (19) – темпоральным, а в (35) – модальным. Однако так бывает не всегда: иногда в подобных случаях эвиденциальность может выражаться разными способами. Например, в (51) в первых трех случаях эвиденциальность выражена модальным способом, а в четвертом случае – темпоральным.

(51) *Padar-aš... ba mardom-e deh ba ġorur-e xāss-e az xāterāt-e xod-aš dar Kābol qessa mekard. Qessa mekard ke mardom rā dida buda fbbal ke ba Xwājasafā mēla-ye argawān mērafta-and fmba/.* *Ya yak šab-e jašn rā dar Čaman-e hozuri xābida buda ast fbbal.* *Ya čand šab ra dar pol-e Mahmudxān dar yak saray separi karda ast fba/ (AH)* "Его отец..., напустив на себя важный вид, делился с односельчанами своими впечатлениями от Кабула. Он рассказывал, что видел, как люди ехали в Ходжа-сафа на пикник (по случаю цветения) багрянника. Или как он однажды во время праздника ночевал (букв.: якобы) *лобыл уснувшим* на Чаманэ хозури. Или как несколько ночей *провел* в караван-сараях возле моста Махмуд-хана".

⁶ Весьма похожие соотношения между формами изъявительного и аудитивного наклонений выявлены в таджикском языке; см. [Расторгуева, Керимова 1964: 96; Эдельман 1975: 440–441].

⁷ Речь идет о буквах арабского алфавита. Приведенный пример представляет собой отрывок из юмористического рассказа, где пародируется статья литературного критика.

Выражение некоторых эвиденциальных видо-временных значений
в финитных формах глаголов дари

Видо-временные значения	Модально-видо-временные формы					
	нулевой способ		темпоральный способ		модальный способ	
	у слабых глаголов	у сильных глаголов	у слабых глаголов	у сильных глаголов	у слабых глаголов	у сильных глаголов
e{E ^a -E ⁿ E ^r E ^s }	/m/	/a/ *	/m/	/a/ *	/m/	/a/ *
e{E ^a -E ⁿ E ^r E ^s }	/m/	/a/ *	/m/	/a/ *	/m/	/a/ *
e{E ^a -E ⁿ E ^r > E ^s }	/d/	/d/	/m/	/a/ *	/ba/	/ba/
e{E ^a -E ⁿ E ^r > E ^s }	/md/	/d/	/m/	/a/ *	/mba/	/ba/
e{E ^a -E ⁿ > E ^r E ^s }	/ba/	/ba/	/ba/	/ba/	/ba/	/ba/
e{E ^a -E ⁿ > E ^r E ^s }	/md/	/d/	/md/	/d/	/mba/	/ba/
e{E ^a -E ⁿ > E ^r > E ^s }	/bd/	/d/	/ba/	/ba/	/bba/	/ba/
e{E ^a -E ⁿ > E ^r > E ^s }	/md/	/d/	/md/	/d/	/mba/	/ba/
e{E ^a > -E ⁿ E ^r E ^s }	/m/	-	/m/	-	/m/	-
e{E ^a > -E ⁿ E ^r E ^s }	/ba/	-	/ba/	-	/ba/	-
e{E ^a > -E ⁿ E ^r > E ^s }	/d/	-	/m/	-	/ba/	-
e{E ^a > -E ⁿ E ^r > E ^s }	/bd/	-	/ba/	-	/bba/	-
e{E ^a > -E ⁿ > E ^r E ^s }	/ba/	-	/ba/	-	/ba/	-
e{E ^a > -E ⁿ > E ^r E ^s }	/bd/	-	/bd/	-	/bba/	-
e{E ^a > -E ⁿ > E ^r > E ^s }	/bd/	-	/ba/	-	/bba/	-
e{E ^a > -E ⁿ > E ^r > E ^s }	/bd/	-	/bd/	-	/bba/	-

* У глагола *vidan* "быть" данное значение может также передаваться формой /m/.

Если засвидетельствованные события упоминаются в разных частях сложноподчиненного предложения, то в одних случаях как в главной, так и в зависимой части засвидетельствованность выражается одним и тем же способом, а в других – разными способами. Например, в (24), (25), (52) в обеих частях засвидетельствованность выражена темпоральным способом, а в (21)–(23), (53) в главной части засвидетельствованность выражена темпоральным способом, а в зависимой – нулевым.

(52) *Ō bargāšta-wo az āncē nazd-e xod ta'yin namuda ast /ba/ čand afgāni beštar mego-yad /m/* (АВ) "Вернувшись назад, он называет цену (букв.: *говорит*) на несколько афгани больше, чем про себя (до настоящего момента) *назначил*";

(53) *Har du zud ba asl-e matlab meyānd /m/ wa boland-boland harf mezanand /m/ če digar ramz-o raz-ē dar meyān nabud-o /d/ Lala čiz-ē nadašt /d/ ke ketmān konad* (А'О) "Оба быстро переходят к сути дела и разговаривают громко, так как уже нет (букв.: *не было*) никаких секретов, и Дядюшке нечего скрывать (букв.: *Дядюшка не имел чего-либо, чтобы скрывать*)".

Здесь нет возможности рассмотреть весьма важный и интересный вопрос о том, насколько произволен выбор варианта употребления финитных форм⁸.

⁸ Как уже упоминалось выше (см. п. 3), этот вопрос ставился и частично был разрешен в работе [Миколайчик 1975].

5. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И ПЕРФЕКТНЫЕ ФОРМЫ

Теперь настало время вернуться к основному вопросу, поставленному в данной статье, — к отношению между значением эвиденциальности и перфектными формами.

Сопоставление результатов применения разных способов выражения эвиденциальности показывает, что при нулевом способе количество случаев употребления перфектных форм является минимальным, а употребление финитных форм полностью соответствует общим закономерностям выражения незвиденциальных видо-временных значений (ср. Табл. 2 и 3).

При темпоральном способе количество случаев употребления перфектных форм несколько больше, чем при нулевом, так как в некоторых случаях формам /bd/ нулевого способа в темпоральном соответствует форма /ba/. Причина этого ясна: при темпоральном способе, как уже говорилось выше (см. п. 4), факт засвидетельствованности в качестве события-ориентира (E^r) приравнивается по времени к речевому акту (E^s). Поэтому и при темпоральном способе в рамках рассматриваемого материала налицо употребление финитных форм соответствует общим закономерностям выражения незвиденциальных видо-временных значений, но с одной поправкой: $E^r > E^s \Rightarrow E^r \parallel E^s$.

Что же касается модального способа выражения эвиденциальности, то здесь количество случаев употребления перфектных форм весьма велико. Но при этом употребление финитных форм никак не соответствует общим закономерностям выражения незвиденциальных видо-временных значений (где формы /mba/ и /bba/ вообще неупотребительны) и с позиций этих закономерностей необъяснимо. Как видно из приведенного материала, для перехода от нулевого к модальному способу следует произвести следующую замену маркеров: $d \Rightarrow ba$; эта операция далее именуется перфективацией финитных форм. Однако причина, обусловившая перфективацию, остается пока неочевидной, и ниже предпринимается попытка обнаружить эту причину.

На наш взгляд, дело состоит в следующем. Среди незвиденциальных событий в прошлом событие, характеризуемое значением $\{E^a \parallel -E^n \parallel E^r > E^s\}$ и передаваемое формой /d/, встречается чаще других (ср. (54)). Если в сообщении об этом событии вносится "личностный момент", т.е. факт засвидетельствованности кем-либо этого события, одновременный сообщению о нем и трактуемый как событие-ориентир, то соответствующее значение $e\{E^a \parallel -E^n > E^r \parallel E^s\}$ даже при нулевом способе выражения эвиденциальности передается формой /ba/ (ср. (54a)). Иными словами, здесь фактически осуществлена вышеупомянутая операция перфективации ($d \Rightarrow ba$). Далее, если факт засвидетельствованности следует за излагаемым событием, но предшествует сообщению о нем, то соответствующее значение $e\{E^a \parallel -E^n > E^r > E^s\}$ при темпоральном способе выражения эвиденциальности также передается формой /ba/ (ср. (54b)). Как видим, здесь осуществлена все та же операция перфективации ($d \Rightarrow ba$).

(54) *Diröz barf barid /d/* "Вчера *выпал* снег";

(54a) *Medānam ke diröz barf barida ast /ba/* "Я знаю, что вчера *выпал* снег";

(54b) *Danestam ke diröz barf barida ast /ba/* "Я понял, что вчера *выпал* снег".

В связи с вышеизложенным, операция перфективации при наличии факта засвидетельствованности, по-видимому, воспринимается носителями языка как нормальное средство внешнего выражения значения эвиденциальности и под влиянием аналогии переосмысливается ими как уже не частное, а универсальное средство для передачи факта засвидетельствованности вообще, к какому бы событию в прошлом эта засвидетельствованность ни относилась⁹.

Если эти наши рассуждения верны, то первопричиной операции перфективации следует считать то обстоятельство, что значение $\{E^a \parallel -E^n > E^r \parallel E^s\}$, по общему прави-

⁹ Насколько можно судить по имеющимся описаниям, в таджикском языке процесс перфективации при выражении эвиденциальности зашел еще дальше, чем в дари, и в эту операцию оказалась вовлечена даже не содержащая маркера «d» форма настоящего-будущего времени (/m/), передающая событие в настоящем (т.е. /m/ \Rightarrow /mba/); см., например, [Рассторгуева, Керимова 1964: 85–87, 96].

лу, передается формой перфекта (/ba/). Действительно, именно благодаря этому обстоятельству данной финитной формой передаются значения $e\{E^a \parallel -E^a > E^r \parallel E^s\}$ (при нулевом и темпоральном способах) и $e\{E^a \parallel -E^a > E^r > E^s\}$ (при темпоральном способе).

Но, поскольку значение $\{E^a \parallel -E^a > E^r \parallel E^s\}$, как было указано ранее (см. п. 2), соответствует так называемой акциональной перфектности, неизбежен вывод, что эвиденциальность с точки зрения внешнего выражения связана именно с акциональной перфектностью, а вовсе не со статальной, как считают многие лингвисты (см. п. 1). Действительно, если допустить, что эвиденциальность связана со статальной перфектностью, то операция перфективации приемлемого объяснения получить не может; в частности, остается непонятно, каким образом в эту операцию оказываются вовлечены сильные глаголы, которые ввиду своей особой лексической семантики совершенно не способны выступать в значениях, связанных со статальной перфектностью (как и вообще с результативностью).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дорофеева Л.Н.* 1960 – Язык фарси-хабули. М., 1960.
- Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н.* 1982 – Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания: Новоиранские языки: Юго-западная группа, Прикаспийские языки. М., 1982.
- Козинцева Н.А.* 1994 – Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3.
- Маслов Ю.С.* 1956 – Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
- Маслов Ю.С.* 1987 – Перфектность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Маслов Ю.С.* 1990 – Время // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Миколайчик В.И.* 1975 – Глагольное время и глаголы идеальной деятельности (в современном дари) // Лексикология и грамматика восточных языков. М., 1975.
- Островский Б.Я.* 1995 – Способы выражения видо-временных значений в формах изъявительного наклонения глагола дари // ВЯ. 1995. № 5.
- Островский Б.Я.* 1996а – Глагол языка дари: перфектные формы в эвиденциальном значении // Вестник МГУ. Серия 13: Востоковедение. 1996. № 1.
- Островский Б.Я.* 1996б – Опыт систематизации глагольных категорий (на материале языка дари) // ВЯ. 1996. № 5.
- Расторгуева В.С., Керимова А.А.* 1964 – Система таджикского глагола. М., 1964.
- Эдельман Д.И.* 1975 – Категория наклонения // Опыт историко-типологического исследования иранских языков: Том II. Эволюция грамматических категорий. М., 1975.
- Якобсон Р.О.* 1972 – Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Перев. с англ. // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.